

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-145-156

**«МИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»: В. В. РОЗАНОВ И А. П. СУСЛОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)**

История взаимоотношений Василия Розанова и его первой жены Аполлинии Сусловой (1839/1940–1918) в целом известна. Однако в научный оборот введены не все документы, касающиеся этой драмы.¹ Публикуемое ниже интереснейшее «интимное» письмо Розанова к критику А. С. Глинке-Волжскому (1878–1940), написанное весной 1916 года, где Розанов нарисовал портрет жены во всей полноте бурных и резких черт ее характера, печаталось только фрагментарно, наряду с другими материалами, и это лишало его целостности. Полный текст, несомненно, привнесет нечто новое и существенное в сюжет «Розанов и Аполлиния Суслова». Он прояснит в некоторой степени истоки проблемы пола, имеющей первостепенное значение для писателя. Именно тема «пола» и «Бога», ключевая для Розанова, являлась средоточием его мистического мировоззрения. «Связь пола с Богом, — большая, чем связь ума с Богом, даже, чем связь совести с Богом», — заключал он в «Уединенном».² Свои взгляды Розанов начал излагать с 1897 года, но размышлять над «полом» — раньше. Во всяком случае, в исполненном отчаянья письме к Сусловой, после ее ухода в 1886 году, он сообщал о желании уйти в монастырь или стать странником: «Я стал верить в существование Бога, и все теплое, что написал в своем сочинении о религиозном чувстве, все это я почувствовал, живя с тобою».³ И хотя творчески Розанов реализовался в полной мере в браке с домашней Варварой Дмитриевной Бутягиной, истоки его идей наметились раньше. Публикуемое письмо позволяет сделать вывод, что «подполье» личности Сусловой повлияло на творчество Розанова в дальнейшем. В связи с проблемой пола получили развитие и другие сюжеты: семья, критика христианского аскетизма, постулаты о греховности тела и плоти. Пол наделялся мистическим смыслом, и отсюда отношения с Сусловой определялись Розановым как «мистическая трагедия».

Документы, проливающие свет на этот период жизни молодого Розанова, немногочисленны. Факты, касающиеся истории первого брака, излагались им прежде всего в письмах и прошениях, начиная с 1898 года. Они составлялись в тот период жизни, когда Розанову нужно было узаконить детей, родившихся от В. Д. Бутягиной, но первая жена, как будто бы мстя ему за что-то, упорно не давала развод. Эта история обсуждалась узким кругом тех лиц, с которыми Розанов был связан дружескими отношениями, надеясь на их помощь. Осенью 1901 года, когда в Петербурге началась деятельность Религиозно-философских собраний, среди его окружения появились синодский чиновник В. М. Скворцов,⁴ правая рука обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, и В. А. Тернавцев,⁵ обещавшие ему «сильные протекции» по

¹ См.: *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского Аполлиния Суслова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 358–388; *Едошина И. А.* Суслова Аполлиния Прокофьевна // *Розановская энциклопедия* / Глав. ред. А. Н. Николоюкин. М., 2008. Стб. 980–984.

² *Розанов В. В.* Листва: Уединенное. Опавшие листья. М.; СПб., 2010. С. 45 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 30]).

³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 311. Л. 12 об. Полный текст письма восстановить невозможно — оно изорвано, видимо, Сусловой.

⁴ Скворцов Василий Михайлович (1858–1932) — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, редактор журнала «Миссионерское обозрение» (1896–1916), публицист.

⁵ Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) — друг Розанова, деятельный участник Религиозно-философских собраний (1901–1903). Вместе с Розановым и В. Д. Бутягиной совершил поездку в Италию весной 1901 года. В письме к митрополиту Антонию Розанов так охарактеризовал его: «Мой друг Тернавцев, богослов здешней Академии, человек высоких талантов и, можно сказать, апостольской веры (только не очень связанного ума)» (В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей.

этому делу.⁶ Друг Розанова, молодой философ и критик П. П. Перцов, также посвященный в эту историю, советовал взять всю вину на себя, чтобы получить развод.

«Года 4 назад, — отвечал ему Розанов, — я с восторгом ухватился бы за „концепцию“ развода и узаконения. Кое-что в этом роде и было: сознавая всю правоту, я написал через Рачинского⁷ Поб<едоносце>ву⁸ некое уныло-раздраженное письмо, что собственно до термина „незаконнорожденные“ мне дела нет, но имею права требовать и требую, чтобы дети получили мою фамилию и были за мною записаны моими детьми, с какими угодно добавлениями, хоть „вверх ногами рожденные“. Рачинский — сушь, но Поб<едонос>цев — добрый человек и оч<ень> любит детей. Но через него ответил, что „даже Государь этого сделать не может“».⁹

«Весь святейший Синод», по словам Розанова, знал его историю. Тернавцев летом 1902 года даже отправился в Крым, где жила тогда Сусллова, надеясь ее «уломать» и получить от нее согласие на развод. Оттуда он телеграфировал: «Убеждал долго настойчиво решительно гневный отказ».¹⁰

З. Н. Гиппиус в очерке о Розанове приводит слова Тернавцева о Суслловой: «Дьявол, а не Бог сочетал восемнадцатилетнего мальчишку с сорокалетней бабой!»¹¹ «Тяжелая старуха» — так назвала Гиппиус главу, посвященную отношениям Розанова с Суслловой. «Ведь она не только, живя с ним, истерзала его, она и на всю последующую жизнь наложила свою злую лапу»,¹² — констатировала Гиппиус, побывавшая в Нижнем Новгороде в 1902 году. Она написала о дурном характере, деспотизме Суслловой, но при этом заметила, что Розанов никогда не говорил о бывшей жене с горечью, осуждением или возмущением. Однако все друзья считали Сусллову «злой фурией». Несмотря на дружеские отношения с семьей писателя, тот же Тернавцев не признавал законность второго брака писателя, хотя и был крестным отцом дочери Розанова Надежды. Во всяком случае, краткой запиской он однажды известил Розанова: «Мы были очень рады видеть дорогую Варвару Дмитриевну. Пусть она непременно снимет с пальца кольцо, а то может быть плохо».¹³

Невзирая на сложности, которые создала Сусллова своим нежеланием дать развод, Розанов, действительно, не отзывался о ней плохо. Публичных интерпретаций своих отношений с первой женой он не давал. Правда, в 1900 году в газете «Новое время» появился очерк «Иван Ляпунов», подписанный «Ибис». Перцов, прочитавший очерк, сразу же догадался, что под псевдонимом, обозначающим священную египетскую птицу, скрывался Розанов.

«Что это Вы, батенька, — писал он Розанову, — вздумали маскарад устроить?

Из-под таинственной, холодной полумаски...

И Вы думаете, что так-таки и спрятались? Что до меня, то я с первого же столбца догадался

Антология: В 2 кн. / Изд. подг. В. А. Фатеев. СПб., 1995. Кн. 1. С. 462). Весной 1902 года Тернавцев был принят вне штата младшим секретарем Св. Синода, в штате — с ноября 1902-го, позже чиновник особых поручений по отделу образования при обер-прокуроре Синода (с 1906 года).

⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 81. Л. 28–29 об.; письмо к П. П. Перцову от 12 марта 1901 года.

⁷ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — профессор Московского университета (1859–1968). В 1872 году вернулся в родовое имение в селе Татеево Тверской губернии и основал церковную школу для крестьянских детей, где сам стал учителем. Розанов подробно рассказал Рачинскому свою скорбную повесть о первом браке (см.: *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.; СПб., 2010. Кн. 2. С. 568–570 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 29]); письмо от 10 августа <1898 г.>).

⁸ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — обер-прокурор Св. Синода (1880–1905).

⁹ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 81. Л. 28–29 об.

¹⁰ РГБ. Ф. 249. Оп. 1. М. 3877. № 41. Л. 2.

¹¹ Цит. по: *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник. О Розанове // Василий Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 156.

¹² Там же. С. 155.

¹³ РГБ. Ф. 249. Оп. 1. М. 3877. № 41. Л. 3 об.

Сквозь дымку легкую заметил я невольню...¹⁴

<...>

Читал еще (в Венеции) „Ивана Ляпунова“. Вот Вы еще в каком жанре упражняетесь. Несколько развязно («я — очень умен»; «думаю о царице Савской»¹⁵), но хорошо».¹⁶

С просьбой привезти из Италии статуэтку с головкой ибиса Розанов обратился к своему другу еще в самом начале своего увлечения Египтом осенью 1897 года.¹⁷ Тогда он объяснял ему свои египетские пристрастия интересом к идее материнства, рождения и сексуальных отношений.¹⁸ Поэтому и очерк о «чудном ромеоовском романе» был подписан таким загадочным псевдонимом «Ибис». В очерке «Иван Ляпунов» с явным автобиографическим подтекстом Розанов вспомнил поездку «инкогнито» в Нижний Новгород к Суловой осенью 1880 года, незадолго до женитьбы: «Что мы идем куда-то в бездну, было видно и мне и ей, но мы оба ничего об этом не говорили — не говорили, конечно, друг с другом, а про себя каждый непрерывно об этом думал. <...> Любовь — это феникс. Тонет, тонет в небе, дальше, выше, ничего не видно, а сердцу больно, больно! „Как разойтись! Никогда!“ <...> В конце концов любовь эта кончилась бесконечным несчастьем, многолетним унынием, помрачением ума, совести, всего. Но вот этот час в ней был светозарен».¹⁹ И еще одно упоминание о «Полине» проскользнуло в «Мимолетном» в записи 1915 года.²⁰

В официальных прошениях и в частных письмах Розанов неместно отзывался о Суловой. В прошениях к царю,²¹ к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию,²² письмах к А. Г. Достоевской,²³ М. П. Соловьеву,²⁴ С. А. Рачинскому²⁵ характеристика первой жены давалась в упрощенных и огрубленных тонах. Написанные в то время, когда новая семья страдала от «незаконности» именно из-за первой жены, они несли на себе отпечаток неприязненного отношения к Суловой. То, что Розанов сообщал о своем первом браке с фактической точки зрения, сомнений не вызывает, а вот освещение характера первой жены и ее роли в его жизни давалось весьма пристрастное.

Касаясь истории первого брака, исследователи приводят также отрывки из письма Розанова к критику А. С. Глинке-Волжскому.²⁶ Так, В. Г. Сукач в публикации «Жизнь

¹⁴ Цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841).

¹⁵ Имеется в виду следующий фрагмент очерка «Иван Ляпунов»: «Странно: гордый и самоуверенный человек, человек „очень умный“, как смею рекомендовать читателю, я привязывался как собака, и пока другая сторона не освобождалась от своей ко мне любви, этого было совершенно достаточно, чтобы я никогда не освободился от своей. <...> Теперь я, когда бываю в гостиницах, всегда читаю о царице Савской и ее приезде к Соломону. Утешение» (Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2; подп.: Ибис; Розанов В. В. Юдаизм. М.; СПб., 2009. С. 512 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 27])).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 82. Л. 12 об.; письмо П. П. Перцова от 30 августа (12 сентября) 1900 года из Парижа.

¹⁷ Там же. Л. 17–19 об.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2; Розанов В. В. Юдаизм. С. 510–512.

²⁰ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., подг. текста, статья и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011. С. 141.

²¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 17. Л. 2.

²² Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисловие, подг. текстов В. Г. Сукача. М., 1990. С. 692–702.

²³ Ломоносов А. В. В. В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В. В. Розанова. М., 2021. С. 218–223.

²⁴ Там же. С. 313–314. Соловьев Михаил Петрович (1842–1901) — начальник Главного управления по делам печати (1896–1899).

²⁵ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 568–570.

²⁶ Отрывки из письма Розанова к А. С. Глинке-Волжскому цитировались неоднократно: Гроссман Л. 1) Одна из подруг Достоевского // Русский современник. 1924. № 3. С. 248–252; 2) Путь Достоевского. Л., 1924. С. 152; Сулова А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник —

Василия Васильевича Розанова „как она есть“, печатая фрагменты из этого письма о Сусловой, указывает: «из письма Розанова к Глинке-Волжскому». Но часть используемых исследователем текстов не имеет отношения к вышеупомянутому письму Розанова, а относится к совершенно другому архивному источнику.

Ознакомиться с письмом в 1920-е годы Глинка-Волжский разрешил Г. И. Чулкову, своему студенческому и гимназическому товарищу, который работал над биографией Достоевского.²⁷ От Чулкова узнал о существовании письма Л. П. Гроссман, завершавший книгу о Достоевском. Письмо интересовало исследователей исключительно в связи с Достоевским, но никак не в связи с Розановым. И тем не менее публикатор «Дневника» Сусловой А. С. Долинин еще в 1925 году во вступительной статье писал: «Два больших человека — Достоевский и в известном отношении ему конгенитальный В. В. Розанов, — так близко к ней подошедшие, имели, должно быть, свои основания, чтобы оставить под густым покровом тайны ту роль, которую она играла в их жизни...»²⁸

Глинка-Волжский, позволив напечатать выдержки из письма, долгие годы не решился опубликовать его полностью из-за «интимности и даже стыдности» содержания.²⁹ Но в 1930-е годы В. Д. Бонч-Бруевич предложил поместить письмо в одном из сборников «Звеньев», по всей видимости, в седьмой, который не вышел в свет.

Кратко напомним основную фактическую канву драматической истории первого брака Розанова, начавшуюся около 1876 года. Он был гимназистом в Нижнем Новгороде, когда познакомился с Аполлинарией Сусловой. Они обвенчались в Москве 12 ноября 1880 года. Студенту Московского университета Розанову было 24 года, Сусловой — 41. Вместе они прожили шесть лет. Летом 1885-го в гости к Розанову приехал его молодой друг студент Московского университета Станислав Гольдовский. Именно он и будет заниматься распространением философской книги Розанова «О понимании» по московским магазинам. По версии Розанова, Сусллова влюбилась в Гольдовского. В августе 1886 года она бросила мужа, который, прощая ее на вокзале, не подозревал, что они расстанутся навсегда. Розанов настолько болезненно переживал разрыв с женой, что в 1890 году, спустя четыре года после расставания, когда у него уже были отношения с В. Д. Бутягиной, отказывался дать Сусловой отдельный вид на жительство, надеясь, что Полина возвратится к нему.

Подробности неудавшегося первого брака, изложенные в прошениях и частных письмах, не совпадают с оценкой этих событий самим Розановым. Сохранилась рукопись, озаглавленная «О себе и жизни своей (автобиографическое)».³⁰ На ней рукой Розанова указана дата: «1886–1896, день св. Ольги. Для памяти».³¹ В день святой Ольги, в июле 1885 года он закончил работу над первой философской книгой «О понимании». Рукопись, испещренная мелким почерком, заполнена воспоминаниями о жизни в Брянске, где Розанов учительствовал в 1881–1886 годах. Значительная часть посвящена Сусловой. По этому автобиографическому документу вырисовывается неожиданная картина первого брака. Рассказывая об учебе в Нижегородской гимназии (там завязался его роман с Сусловой),³² Розанов отметил, что он полностью был поглощен одной идеей. Гимназистом овладела идея утилитаризма, направления в этике, считавшего полезность главным критерием поступков человека: «Именно с этого

повесть — письма / Вступ. статья, прим. А. С. Долинина. М., 1928. С. 7, 14; Сукач В. Г. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 112–113, 114, 115; Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского Аполлинария Сусллова. С. 358–359.

²⁷ Опул.: Чулков Г. И. Жизнь Достоевского / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. О. А. Богдановой. М., 2015 (Источниковедение литературы XX века; вып. 1).

²⁸ Долинин А. С. Достоевский и Сусллова // Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925. Сб. 2. С. 170.

²⁹ ОРФ ГИМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 236.

³¹ Там же. Л. 2.

³² В статье А. А. Медведева «Утилитаризм» говорится, что с философией утилитаризма Розанов познакомился еще в Симбирской гимназии, т. е. в более ранний период (Розановская энциклопедия. Стб. 2234).

времени быстро развернувшаяся схема утилитаризма стала как бы *формой стояния моего ума*, который тщетно пытался из нее выйти и вместо этого все дробнее и дробнее разворачивал эту схему и все более убеждался в ее непоколебимости. Я стал мало читать или читал лишь внешним образом, без настоящего интереса; плохо, как и всегда, впрочем, учил уроки; был безучастен или участлив лишь наружно к товарищеской жизни; и только с истинным интересом думал об этой идее. <...> это учение об идеях-телах (живых) взято мною из себя, из своего внутреннего опыта. Я стал скопцом утилитарной идеи, потерявшим вкус ко всему, кроме ее, питавшимся ею; и уже в университете, помню, ловил себя, в минуты, напоминавшие некрасовское

еду ли ночью по улице темной

— в безмолвном, удивленном стоянии перед этой идеей. Нужно заметить, я пытался осуществить ее, т. е. видя ее правильность, подчинял ей и поступки свои, и отношения к людям...».³³

История неравного брака представлена здесь в неожиданном освещении — он объясняется увлеченностью молодого человека именно идеей утилитаризма: «Мой первый брак связан вполне с этой идеей: именно встретив Суслову (старшую сестру известной женщины-врача),³⁴ я был поражен, что она, отвергая в принципе рефлексию, т. е. теоретизирование своих поступков, поступает „непосредственно“ лучше меня; узнав ее в VII—VIII классах гимназии, я быстро, от удивленности перешел к восторгу, потом — к уважению и любви; объяснение произошло, и я, будучи в гимназии еще, сделал ей предложение, на которое после некоторого колебания и страха (ей было 38 лет) она дала согласие. Это как бы контрактура моего духовного существа в формах утилитарного представления жизни продолжалась приблизительно до 3-го курса университета; именно в 76 или 77 году я жил на Воробьевых горах в отдельном флигельке, в 10 шагах от Сусловой, и раз предавшись любимому занятию набиванья папирос (причем я впадал всегда в какую-то особенную тихую, спокойную созерцательность) — так сплел мысли: *для чего искать цель человеческой жизни? Может быть, нужно открыть ее? т. е. найти ее в самом человеке?*»³⁵

Описывая бедную и тусклую жизнь в провинциальном Брянске, Розанов пишет о внутренней драме, которая разворачивалась на фоне мещанской жизни обитателей города: «Я далек от того, чтобы винить Суслову: у меня была поэзия в книге («*О пошлени*»); у нее, знавшей Париж, видевшей Италию, *жившей* там — какое было утешение? По молодости, я не замечал этого, и предаваясь во внегимназическое время писанию, не задавал вопроса: чем она живет? чем ей жить? Вспышки ревности, еще бывшие (одна) перед браком и несколько раз после брака в Москве (одна совершенно непостижимая по причинам и безобразная по форме: я увлекся рассматриванием и покупкой у букиниста старых книг и часа на 3 опоздал к обеду: она же отнесла это к имеющейся у меня «любви»»)³⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что в записях «для себя» автор объясняет неудачу первого брака собственными комплексами: «Она была — передо мною — богачка; стара. Кто мог удержаться от подозрения, что причину романа была не корысть? И вот, когда брак совершился, мысль о всеобщем подобном подозрении отяготила <так!> надо мною и отделила меня от нее, замкнула в себя, помешала сиянию. К тому же „геройствовать“ вовсе не пришлось: она ужасно любила мир, хотела у себя гостей и сама в гости, хотя бы плевые. <...> я преднамеренно одевался дурно, ходил Бог знает в каких сорочках и брюках; страшился всякого блеска денег на себе. <...>

³³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 236. Л. 5–5 об.

³⁴ Суслова Надежда Прокофьевна (1843–1918) — младшая сестра А. П. Сусловой. За сочувствие к нигилизму находилась под надзором полиции (1865–1873). Защитила диссертацию по медицине в Цюрихском университете. Доктор медицины с 1867 года. После вторичной защиты диссертации получила разрешение заниматься врачебной деятельностью в России.

³⁵ Там же. Л. 5 об.

³⁶ Там же. Л. 6 об.

мысль подозрения в корыстной женитьбе согнула, состарила меня, лишила всего цвета, свежести, свободы жизни, дыхания».³⁷

Характерно, что к автобиографическим материалам приложена и машинопись письма Розанова о Сусловой, адресованного Глинке-Волжскому.³⁸ Розанов почему-то захотел присоединить его к очерку. «Интимный документ» — так Глинка-Волжский определил характер этого письма.³⁹

Розанов познакомился с Глинкой-Волжским весной 1904 года, когда молодой критик приехал в Петербург из Симбирска. «Наш Волжский идеалист» — так обращался к нему в письмах Василий Васильевич. Оба литератора в то время сотрудничали в журнале «Новый путь». Бывший студент Московского университета, считавший кумира либеральной интеллигенции Н. К. Михайловского своим «духовным отцом», Глинка-Волжский был выслан в Симбирск под гласный надзор полиции в 1901 году. Теперь же в Петербурге он сблизился с «идеалистами» журнала «Вопросы жизни». В редакции журнала он, вероятно, и познакомился с Розановым. Они встречались часто в 1904–1905 годах и вели долгие ночные беседы на самые различные темы. В декабре 1904 года в журнале «Новый путь» начала печататься обширная статья Глинки-Волжского «Мистический пантеизм Розанова». Она явилась одним из первых глубоких исследований творчества Розанова, в котором критик увидел мыслителя одной идеи: «Как из яйца, Розанов вылупился из своей темы, развернув проблему пола, семьи вглубь мистического пантеизма, своего углубленного реализма <...> Все мирозерцание Розанова, как цветок из лепестков, разворачивается из таинственных розовых завитков проблемы пола, оно дышит ею, оно все живет обаянием поэзии правды этой тайны, деятельного, цветущего пола».⁴⁰ Поэтому, возможно, Розанов и адресовал такое «интимное» письмо автору статьи.

Летом 1905 года Глинка-Волжский вернулся в Симбирск. Изредка он переписывался с Розановым. Осенью 1907 года, подготовив труд «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского»,⁴¹ он приехал в Петербург, чтобы найти издателя для книги. Розанов, пытаясь ему помочь, обратился к А. Г. Достоевской.⁴² 6 января 1907 года он подробно рассказал Глинке-Волжскому о своем письме к вдове писателя и о ее отказе: «Едва Вы уехали из Петербурга, — и даже еще до отъезда — я написал Анне Григ<орьевне> длинное письмо (на 4 стр<аницах>), говоря, что если бы Вы спросили Фед<ора> Мих<айловича> в могиле, куда же Вам пойти с работою о нем, то, конечно, он сказал бы: идите к моей Анечке, она всегда берегла мою память, все собирала для нее; но, конечно, <...> памяти каменной — память книжная. <...> Пишу Вам это для того, мой милый и чистый идеалист, чтобы показать, что „Розанов — не свинья“: но от вдовы Д<остоевско>го ничего не „выковыряешь“».⁴³

Издатель для книги тогда не нашелся — отказал и А. С. Суворин, и М. В. Пирожков. Но критик в дальнейшем продолжил работу над книгой о Достоевском и в 1916 году неожиданно прислал Розанову запрос о Сусловой, узнав от сына П. И. Мельникова-Печерского, жившего так же как и Глинка-Волжский в Нижнем Новгороде, что первой женой Розанова была Суслова. В конце письма от 16 февраля 1916 года он спрашивал: «Еще кстати, или сказать совсем некстати. Разве, В<асилий> В<асильевич>, Ваша первая жена (Суслова?) была невестой Достоевского. <...> все это говорил мне один

³⁷ Там же. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 12–13.

³⁹ ОРФ ГЛИМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

⁴⁰ Цит. по: Василий Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 424, 427; впервые опубли.: Новый путь. 1904. № 12. С. 28–67; Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 191–216; № 2. С. 171–192; № 3. С. 146–168.

⁴¹ Книга А. С. Глинки-Волжского не опубликована. См.: Резниченко А. И. «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» А. С. Глинки-Волжского: из истории одного «несбывшегося события» // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: трактовки, трансформации / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013. С. 267–278.

⁴² Ломоносов А. В. В. В. Розанов: ближние и дальние. С. 268–274; письмо Розанова к А. Г. Достоевской <октябрь 1907 года>; письмо А. Г. Достоевской к Розанову от 27 октября 1907 года.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 1–2 об. Датируется по штемпелю отправления.

здешний человек (сын писателя Мельникова-Печерского⁴⁴). Простите, если не следует спрашивать об этом. Но ведь это уже, б<ыть> м<ожет>, „история“, и все о Достоевском меня еще интересует. Б<ыть> м<ожет>, это все не так. Если не хочется, простите и не отвечайте. <...> Встречали ли Вы когда за эти годы Ан<ну> Гр<игорьев>ну Достоевскую, она — после того Вашего к ней письма — совсем отвратилась от меня.⁴⁵ А жаль — если бы время позволило, иногда хочется докончить дело с жизнеописанием Дост<оевск>ого. Сейчас, впрочем, я весь в Палате, с маковой».⁴⁶

Глинка-Волжский просил припомнить, что Розанов слышал от Сусловой о Достоевском. Позже он так говорил об истории появления письма: «Зная, как умеет В. В., отдаваясь наитию нахлынувшей минуты, излить из себя душевные сгустки жизненных соков всякой освоенной им были, я просил его, не нудя себя срочностью ответа, написать в такую минуту изнутри хлынувших волн по возможности все, что припомнит из слышанного от Сусловой в годы их совместной жизни — о Достоевском и ее отношениях с ним».⁴⁷ Розанов ответил не сразу. Его письмо от 5 мая 1916 года было кратким, и казалось, что сочинялось с чувством досады: «О Суслихе напишу со временем — безумное „некогда“».

Она-то и была „черной немочью“, съевшей всю мою жизнь, и „изводом“ вместо начала__».⁴⁸

Глинка-Волжский незамедлительно откликнулся (17 мая 1916 года): «О „Суслихе“ ли говорите вы, — если, когда написать захотите — очень обрадуете. Были ли все-таки у нее отношения с Достоевским и какие?»⁴⁹

Очень скоро, 24 мая 1916 года, Розанов рассказал о Сусловой подробнее, главным образом о взаимоотношениях с ним и почти не касаясь отношений первой жены с Достоевским. Текст был написан на узких полосках бумаги, без обращения к адресату и вложен в конверт с адресом редакции газеты «Новое время» в Петербурге (очевидно, оно создавалось «на службе», подальше от глаз второй жены, Варвары Дмитриевны). На конверте сохранился почтовый штемпель, без года: «Н<ижний> Новгород. 24. 5». Глинка-Волжский считал, что оно получено в 1916 году, поскольку незадолго до этого Розанов прислал свою фотографию в связи с 60-летием (юбилей отмечался 20 апреля 1916 года).

Розанову в это время уже было за шестьдесят лет, а Сусловой за семьдесят. В написанном через 30 лет после разрыва звучали и горечь, и восхищение бывшей женой. Розанов горячо описывал достоинства и недостатки этой «инфернальной» женщины, как бы заново переживая былое. «Ах. Это удивительная женщина. *Еще таких я совершенно не видал*», — восклицал он. Возможность откровенных высказываний подобного тона, безусловно, была исключена в текстах, обращенных к ранее упомянутым корреспондентам — К. П. Победоносцеву, М. П. Соловьеву, А. Г. Достоевской и др.

Он сравнивал Сулову с героинями Достоевского — Дуней, сестрой Раскольниковы, и Аглаей Епанчиной, вспомнил и развратную графиню из «Униженных и оскорбленных», о которой рассказывал в романе князь Валковский: «...красавица первостепенная, что за бюст, что за осанка, что за походка! <...> Она слыла холодной как крещенская зима и запугивала всех своею недосыгаемою, своею грозною добродетелью. <...> И что ж? Не было развратницы развратнее этой женщины <...> Барыня моя была сладострастна до того, что сам маркиз де-Сад мог бы у ней поучиться. <...> Да, это был сам дьявол во плоти, но он был непобедимо очарователен».⁵⁰ Этот отрывок, по мнению Розанова, мог бы служить наилучшей характеристикой Сусловой. Заметим, что она не могла быть прототипом графини, поскольку Достоевский работал над

⁴⁴ Вероятно, речь идет о старшем сыне — Андрее Павловиче Мельникове-Печерском (1855–1930). Он закончил Академию художеств, служил чиновником особых поручений при нижегородских губернаторах, в это время был инспектором по делам печати.

⁴⁵ См. прим. 42.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 20–20 об.

⁴⁷ ОРФ ГЛМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 15. Датируется по штемпелю отправления.

⁴⁹ Там же. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 21.

⁵⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 363–364.

романом в 1860 году и напечатал в журнале «Время» в 1861-м (№ 1–7), тогда же появилось и отдельное издание, а отношения Достоевского с Сусловой начались позже. И жестокая мстительная Медея, убившая собственных детей из ревности, по мысли Розанова, была сродни его собственной жене.

Отметим, что в письме Розанов нетверд в указании дат. Он неточно передает разницу в возрасте с Сусловой. Он родился в 1856 году. В таком случае знакомство семнадцатилетнего Розанова с Сусловой состоялось в 1873 году. Точная дата рождения Сусловой неизвестна: 1839-й или 1840 год.⁵¹ Значит, в момент знакомства ей было 33 или 34 года, а не 37 лет, как пишет Розанов. По письму Аполлинария была старше Розанова на 20 лет, а согласно биографическим сведениям, разница в возрасте была 16 или 17 лет. Если год встречи Розанова с Сусловой 1873-й, то до женитьбы в ноябре 1880 года протекает очень долгий для испытания чувств срок. Поэтому, судя по всему, в письме неточно указан возраст в год знакомства не только Сусловой, но и самого Розанова. Их разница в возрасте была 16 лет.

В юношеском дневнике Розанова есть следующая ретроспективная запись: «Декабрь, 1878 год. Знакомство с Аполлинарией Прокофьевной Сусловой. Любовь к ней. Чтение. Мысли различные приходят в голову. Суслова меня любит, и я ее очень люблю. Это самая замечательная из встречающихся мне женщин. Кончил курс. Реакция против любви к естествознанию и любовь к историческим наукам, влияние Сусловой...».⁵² Но в вышеупомянутом очерке «Иван Ляпунов» рассказывается о студенте-третьекурснике, приехавшем в Нижний Новгород осенью 1880 года для свидания с невестой, роман с которой длился около трех лет. Таким образом, знакомство произошло в 1876 году, когда Розанов учился в Нижегородской гимназии. Тогда ему было 20 лет, а Сусловой — 36. Однако в письме к Н. Н. Глубоковскому от 23 мая 1907 года Розанов сообщал: «...ей было 38 лет, когда я с нею встретился в 8-м классе гимназии».⁵³

Незадолго до смерти, летом 1918 года, Розанов привез из Сергиева Посада в Москву С. Н. Дурылину запечатанный конверт. Он попросил распечатать конверт после его смерти и прочитать текст детям и жене. Эту просьбу Дурылин выполнил. В письме, составленном, вероятно, в самом начале 1890-х годов, говорилось о первой женитьбе Василия Васильевича и о том, что вынес он из этой жизни. «Что случилось с этим изумительным письмом (гениальным с точки зрения словесности), я не знаю», — заметил Дурылин в своем очерке 1928 года.⁵⁴ В архивах его разыскать не удалось. Но много лет спустя в 1916 году Розанов рассказал о Сусловой биографу Достоевского Глинке-Волжскому. Этот исключительный по ценности документ сохранился в архиве критика.

Письмо В. В. Розанова к А. С. Глинке-Волжскому печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 23–26. Подчеркивания одной чертой переданы курсивом, полужирным шрифтом выделены подчеркивания двумя чертами. Орфография и пунктуация приведены к современной норме.

* * *

16 мая 1916 г. Петроград

С Суслихой я I-й раз встретился в доме моей ученицы Ал<ександры> Мих<айлоვნы> Щегловой (мне 17 л<ет>, Щегл<овой> 20–23, Сусл<овой> 37): вся в черном, без воротничков и рукавчиков (траур по брату), со «следами былой» (замечательной)

⁵¹ Сараскина Л. И. Суслова Аполлинария Прокофьевна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6 / Глав. ред. Б. Ф. Егоров. С. 139.

⁵² Розанова Т. Воспоминания об отце В. В. Розанове и обо всей семье // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 121. С. 167.

⁵³ Цит. по: Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье / Вступ. статья, публ. и прим. Л. А. Ильюниной и М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 3. С. 230.

⁵⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 620.

красоты — она была «русская легитимистка», ждавшая торжества Бурбонов во Франции¹ (там она оставила *лучших* своих друзей,² — в России у нее не было никого), а в России любила только аристократическое, «традиции» и трон. Я же был социалистичко.³ И... потянулся, весь потянулся «к осколку разбитой фарфоровой вазы» среди мещанства училищеск (брат учитель)⁴ и вообще «нашего быта». Острым взглядом «опытной кокетки» она поняла, что «ушибла» меня, — говорила холодно, спокойно. И словом вся — «Екатерина Медичи». На Катьку Медичи она в самом дела б<ыла> похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убила бы — слишком равнодушно, «стреляла бы в гугенотов из окна» в Варфоломеевскую ночь⁵ — прямо с азартом. Говоря вообще, Суслиха действительно была великолепна, и я знаю, что люди (одна друг, <так!> жидовка, Гаркави урожденная, Анна Осиповна, лет на 15–20 старше ее) были «совершенно ею покорены», — пленены. Еще такой русской — я не видал. Она была *по стилю души* совершенно нерусская, а если русская — то раскольница бы «поморского согласия», или еще лучше — «хлыстовская богородица».

Умна была она средне; не выдающееся; но все заливал стиль. Младшая ее сестра (известный врач, ученый Сусл^{ова})⁶ умоляла ее помириться: но она (зависть) при всяком ее въезде в дом родителей — вылезала с подушкой и одеялом из окна в сад, прокрадывалась на улицу и уходила ночевать к знакомым. И сестра (врач), видя, что она выгоняет старшую сестру из дому, мало-помалу перестала ездить к родителям.

Родители — чудесные: старик отец — весь «добро», мать — «мудрая».⁷ Я их любил, очень. С сестрой познакомился у умирающей тещи.

С Достоевским она «жила».

«— Почему же вы разошлись, Ап<оллинария> Прок<офьевна>? (я).

— Потому что он не хотел развестись с своей женой чахоточной, «так как она умирает» (в Ташкенте).⁸

— Так ведь она умирала? (я).

— Да. Умирала. Через ½ года умерла. Но я уже его разлюбила.

— Почему «разлюбили»? (я).

— П<отому> ч<то> он не хотел развестись.

Молчу.

— Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не рассчитывая. И он должен был так же поступить. Он не поступил, и я его кинула.

Это ее стиль. *Разговор этот у меня с нею был*, и почти буквален. Тезисы во всяком случае эти самые.

Мы с нею «сошлись» тоже до брака. Обнимались, целовались, — она меня впускала в окно (1-й этаж) летом и раз прошептала:

— Обними меня *без тряпок*. Т. е. тело, под платьем.

Обниматься, собственно, дотрагиваться *до себя* — она безумно любила. Совокупления — почти не любила, семя — презирала («грязь твоя»), детей, что не имела — была очень рада. («Куда бы я пошла с детьми, когда муж такой мерзавец и ничтожество»).

Лучшее ее удовольствие — врать на меня всякую околёсицу в style Katherina Medichi — знакомым, заходившим к нам после обеда («я сплю»). Я слышал и удивлялся: «Что это Поленька врет? Неужели она это в самом деле думает?»

Лицо ее, лоб — было уже в морщинах, и что-то скверное, развратное в уголках рта. Но удивительно: груди хороши, прелестны — как у 17-летней, небольшие, бесконечно изящные. Все тело — безумно молодое, безумно прекрасное. Ноги, руки (*не* кисти рук), живот особенно — прелесть и прелестны; «тайные прелести» — прелесть и прелестны. У нее стареющим было только лицо. *Все под платьем* — как у юницы — 17–18–19 лет, *никак не старше*.

В сущности, я скоро разгадал («потрогай меня»), что она была онанисткой, лет уже 20, т. е. лет с 18. Я это не осуждаю. «Судьба». И «что делать старым девушкам». Скорее от этого я еще больше привязывался к ней.

Когда она уехала, во 2-й раз (и окончательно) бросивши меня,⁹ — я помню, встал (после обеда спал) и начал умываться — и слезы градом-градом посыпались у меня.

«Бедная моя Поленька! бедная моя Поленька! Кто же спасет тебя, кто же будет оберегать тебя».

Жизнь — вся сплошная мука.

М<ожет> б<ыть>, я Вам пришлю ее письмо,¹⁰ «для почерка», которое Вы мне *верните*.

Вообще, это была «мистическая трагедия». Помните ли Вы хорошо «Униженных и оскорбленных»? Там есть *отец* жениха Наташи, старый князь Вальковский. И сказано: «он любил (или был в связи) с молодой, прекрасной собой женщиною, чрезвычайно религиозной и стильной, и *которая была необыкновенно развратна*», чуть ли не прибавлено: «противоестественной формой разврата». Мне всегда казалось, что это он написал о Суслихе.¹¹

Но к ней подходит и Дуня, сестра Раскольникова, «Аглая» «Подростка».¹² Только «Грушенька» — ни-ни-ни. Грушка вся русская, похабная. В Суслихе — ничего грубого, похабного.

Ах. Это удивительная женщина. *Еще таких я совершенно не видал*. Любя и ласкаясь, я говаривал: — «Ах, ты моя Брунгильда и Фредегонда».¹³

Ее любимый тип в литературе и мифах — Медея, когда она из-за измены Язона убивает детей.¹⁴

Суслиха — вполне героический тип. «Исторических размеров». В другое время она — «наделала бы дел». Тут она безвременно увядала. Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения; и только принимала от меня «ласки».

Без «ласок» она не могла жить.

К деньгам она была равнодушна. К славе — тайно завистлива. Ума — среднего, скорее даже небольшого. «Но стиль, стиль...».

Поразительно, что в 37 лет она покорила 40–50-летних. С нею никто не спорил никогда, не смел. Да всякое возражение ее и оскорбляло безумно. Она «рекла», и слушали и тайно восхищались (я думаю) — стилем.

— Аполлинурия Прокофьевна...

— Поленька... (я)

— «Бедная моя Поленька! бедная моя Поленька!...» С тобой что-то *случится*, «ты — умрешь», «у тебя рак будет», «ты бросишься под рельсы».

И сколько я ее с фонарем тоскуя отыскивал ночью в Брянске, когда она «беспричинно уйдет от меня».

Кончила же тем, что уже лет 43-х влюбилась в студента Гольдовского (прелестный юноша), жидка, гостившего у нас летом.¹⁵ Влюбилась безумною «последнею любовью». А он любил — другую (Ал. П. Попову, прелестную поповну). Его одно неосторожное письмо ко мне с бранью на Алекс<андра> III она переслала жандармскому полковнику в Москве, и его «посадили», да и меня стали жандармы «тягать на допросы». Мачеху его, своего друга Анну Осиповну Голь<дов>скую (урожд<енную> Гаркави), обвинила перед мужем в связи с этим ... (ее «предмет»), и потребовала, чтобы я ему, своему другу — ученику — писал ругательные письма. Я отказался. «Что ты безумная». Она бросила меня.

У меня не было спокойствия к ней. Надо было ей показать «кнут» — и, в сущности, она стала бы «в стойло». Такие люди — истязают, если их кто-нибудь не порет. Безумно устал.

Ваши дети — прелесть. *Они все талантливы*. Такие чудные глазки.¹⁶ Скажите им: «Дядя Вася Розанов Вас всех велел поцеловать» — и поцелуйте. Ольге Фед<оровне> поклон.

Нет, не нашел суловских писем, они куда-то «заложилась».

¹ Сулова была сторонницей законной (легитимной) власти старшей ветви династии Бурбонов во Франции. Ср. ее характеристику в 1907 году: «...очень гордая, страстная», „легитимистка“ и проч., и проч., страшно стильная женщина, начитанная...» (Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье. С. 230; письмо Н. Н. Глубоковскому).

² Сулова поселилась в Париже в начале 1863 года. Живя за границей, переезжала из города в город: Спа, Цюрих. В 1863 году познакомилась с А. И. Герценом. В 1865 году она гостила у него

и Н. А. Тучковой-Огаревой в Женеве. Была знакома с Н. П. Огаревым. «...Была в Женеве и видела семейство Герцена и Огарева. Огарев значительно, на мои глаза, постарел, как я его видела у Вас, кажется, он очень болен» (цит. по: *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского Аполлинария Суслова. С. 251; письмо Сусловой к Е. В. Салиас от 26 июня 1865 года). В доме графини Е. В. Салиас (Е. Тур) Суслова встречалась с представителями политической эмиграции: братьями Н. И. и Е. И. Утиными, М. А. Бакуниным.

³ Вспоминая годы учебы в гимназии, Розанов писал: «У нас в гимназиях, и, особенно в тогдашней подлой Симбирской гимназии <...> с их оскверняющим и оскорбляющим чинопочтением, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь *каждую субботу* „Боже, Царя храни“ <...> И, конечно, мы „пели“ <...> а в душонках маленьких и детских, рос этот желтый, меланхолический и разъяренный нигилизм. Я помню, что именно *Симбирск* был родиной моего нигилизма. А там был во II и III классе; в IV-м уже переехал в Нижний» (*Розанов В. В.* Опавшие листья <Короб первый> // *Розанов В. В.* Листва: Уединенное. Опавшие листья. С. 284). Во время учебы в гимназии Розанов увлекался Д. И. Писаревым, а в старших классах гимназии Н. А. Добролюбовым. «Гимназистом — нигилистом, „чертенком“, „бесенок“, — вспоминал Розанов позже (*Розанов В. В.* В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004. С. 357 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 17]); письмо к Голлербаху <от 8 августа 1918 года>).

⁴ Речь идет о старшем брате Розанова Николае Васильевиче (1847–1894), который с 1872 года преподавал историю в гимназии в Нижнем Новгороде.

⁵ Имеются в виду массовые убийства гугенотов (так называли французских протестантов-кальвинистов) католиками в ночь на 24 августа 1572 года в Париже накануне дня святого Варфоломея. Эти убийства продолжались три дня и были организованы королевой Франции Екатериной Медичи.

⁶ См. прим. 34 к вступ. статье.

⁷ Суслев Прокофий Григорьевич (?–1890) — бывший крепостной графа Д. Н. Шереметева, был управляющим его именьями, получил вольную. Вместе с братом владел ситценабивной фабрикой в Иваново. П. Г. Суслев дал деньги Розанову на издание книги «О понимании». О нем Розанов писал: «300 р. мне дал для расчета с типографией тесть, Прокофий Григорьевич Суслев, очень добрый человек и весьма меня любивший» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 236. Л. 6 об.). Анна Ивановна Суслова (урожд. Ястребова) была из семьи зажиточного крестьянина, выкупившегося на волю.

⁸ Жена Достоевского, М. Д. Исаева, умерла 15 апреля 1864 года.

⁹ В августе 1886 года Суслова уехала от Розанова во второй раз. В первый раз после ссоры Суслова уехала из Брянска в Орел на пять месяцев.

¹⁰ Известны два письма Сусловой к Розанову: 1) от 15 августа <1886 года>; 2) от 17 марта 1888 года (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 654; *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского Аполлинария Суслова. С. 376, 378). Второе адресовано в Брянск, в гимназию. Сама Суслова находилась в это время в Калуге. «Все ее письма ко мне, которые я прятал за корешки переплетов, в далекие места, она, бывало, ищет ночью: а наутро я вижу всю комнату усеянную клочками их» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 694–695; прошение Розанова митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию).

¹¹ Подробнее см. во вступ. статье.

¹² Ошибка Розанова. Речь идет об Аглае Епанчиной из романа «Идиот».

¹³ Эти имена Розанов заимствовал из эпохи Средневековья, из времени Меровингов. В VI веке при короле Хильперике I (561–584) были столкновения между Нейстрией и Австразией (западная и восточная часть франкского государства). К этому смутному времени и относится борьба Брунгильды и Фредегонды. Первая была супругой Сигиборта, вторая — короля Хильперика I. Носительница кровавых страстей и грубых пороков Фредегонда стала героиней народных легенд франков. Она устранила хитростью первую жену Хильперика I, но король вступил в брак с младшей сестрой Брунгильды, королевой Австразии. Происками у короля Фредегонда добивается гибели королевы (ее приказано задушить) и венчается с королем. Красивая, чувственная, честолюбивая Фредегонда, искавшая наслаждений и власти, становится королевой. Брунгильда, желавшая управлять Австразией за своего малолетнего сына, была предана казни.

¹⁴ В греческой мифологии Медея — волшебница, дочь царя Колхиды Ээта, страстно влюбившаяся в Ясона, приплывшего вместе с аргонавтами. За обещание жениться на ней Медея помогла Ясону выполнить испытания, которыми подверг его Ээт. Усыпив волшебным зельем дракона, сторожившего золотое руно, Медея помогла Ясону получить сокровище. Чтобы задержать преследователей, Медея убила своего малолетнего брата Аписирта и стала женой Ясона, родив ему двух сыновей. Когда Ясон решил жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея, проклиная мужа, отомстила ему. Она сожгла Главку вместе с отцом и убила своих детей (Мифы народов мира: В 2 т. / Глав. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2. С. 130).

¹⁵ Гольдовский Станислав Борисович (1865–1922) — студентский Станислав Борисович (1865–1922) — студент, пасынок А. И. Гаркави, подруги Сусловой, в будущем адвокат, публицист, один из основателей партии кадетов; племянник

адвоката В. О. Гаркави. Розанов считал Гольдовского своим «духовным сыном». Летом 1885 года студент историко-филологического факультета Московского университета Гольдовский приехал в Нижний Новгород. Он читал корректуру книги Розанова «О понимании» и отдавал на комиссию книгу в московские магазины. В письме из Ельца, написанном осенью 1887 года, т. е. после разрыва с Сусловой, Розанов говорит о жестокой обиде, нанесенной его жене Гольдовским: «Вы знаете, Стаха, что я люблю свою жену; я говорил Вам прежде в письмах, что без нее для меня жизнь становится невыразимым бременем, Вы же это знали и знаете, и между тем, расстроили своими письмами нашу семейную жизнь, разъединив нас, спокойно и холодно смотрите на наши страдания. Горе, которое Вы причинили нам, так неизмеримо больше того, что Вы сделали для меня, что позволительно, кажется, забыть Ваши услуги и прежнее расположение ко мне. <...> Извините, но воспоминание о Вас делается для меня все более и более ненавистным. <...> Вы так жестоко сами обидели мою жену. <...> Мне отвратительна теперь всякая мысль о Вас» (Сукач В. Г. *Летопись жизни и творчества В. В. Розанова (1879–1887)* // *Энтелехия*. 2004. № 9 (54). С. 30). Сохранилось письмо Сусловой к Гольдовскому: «Г<осподи>н Гольдовский! Посылаю Вам части Ваших писем к В<асилию> Вас<ильевичу>, из которых видно, что Ваши уверения в сочувствии мне лживы, что я стою так сказать *на почве фактов* и потому недостаточно с Вашей стороны сказать в свое оправдание: „Вы выдумали, нагнали“ и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 1627. Оп. 2. № 2. Л. 1).

¹⁶ Речь идет о четверых детях А. С. Глинки-Волжского, фотография которых сохранилась в архиве Розанова с его надписью: «Дети Глинки-Волжского» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 22). Розанов видел их в Петербурге в 1905 году.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-156-162

© Т. В. Мисникевич

«ЗАЧЕМ ТЫ ВНОВЬ МЕНЯ ТОМИШЬ, ВОСПОМИНАНЬЕ?..»: ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ П. ВЕРЛЕНА «NEVERMORE» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ Ф. СОЛОГУБА

Федор Сологуб занимался переводами на протяжении всего творческого пути, однако интенсивность его обращения к тому или иному автору была далеко не равномерной.¹ Это относится и к переводам из Поля Верлена, принесшим поэту подлинную переводческую славу. Большинство переводов Сологуб осуществил в 1893–1894 годах и включил их в первое издание своей верленианы;² в 1922 году он переработал часть из них, создав новые редакции, а также обратился к ряду новых стихотворений и выпустил второе, расширенное, издание, в которое вошли и ранние варианты.³

В 1890-е годы, в период становления Сологуба-поэта, переводы из Верлена нередко служили своего рода канвой для написания оригинальных текстов, расшатывая границу «своего» и «чужого». Сологуб работал чрезвычайно интенсивно, нередко создавая по несколько стихотворений в день; отдельные произведения в тетрадах с автографами складывались в плотный и спаянный «сверхтекст». С декабря 1893 года Сологуб по своей внутренней, далеко не всегда поддающейся дешифровке, логике, разграничивал его на отдельные блоки с помощью обозначения цифрами в хронологическом ряду, куда включались также переложения и переводы.⁴ Соответственно, довольно сложно опре-

¹ См.: Стрельникова А. Б., Филочева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 629–709.

² См.: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

³ Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. Пг.; М.: Петроград, 1923.

⁴ Подробнее см.: Мисникевич Т. В. Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. СПб., 2014. С. 699–745 (сер. «Литературные памятники»).